

Диана Фурсова

Портниха
попаданка

Модный дом
бывшей жены дракона

Диана Фурсова

**Портниха-попаданка. Модный
дом бывшей жены дракона**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Портниха-попаданка. Модный дом бывшей жены дракона /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Вчера я была женой могущественного дракона. Сегодня он назвал меня предательницей перед Советом и потребовал развод. Вместо золота я выбрала разорённую швейную мастерскую — с долгами, протекающей крышей и старым станком, способным хранить память ткани. Вот только в теле тихой Лиорены теперь я — Ярина, профессиональная портниха из другого мира. Я умею видеть то, что другие привыкли не замечать: распоротые швы, испорченные выкройки и ложь, спрятанную под дорогой подкладкой. Чтобы спасти «Вейр и нить», мне придётся собрать команду, найти заказчиц, обойти запреты могущественной Гильдии и доказать, что нить брачного обета почернела не из-за измены. А бывшему мужу — понять, что признать ошибку мало, если хочешь вернуть доверие женщины, которую однажды не стал слушать. Но что, если магическая ткань помнит приказ, способный изменить не только мою судьбу, но и решения всего Совета?

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Развод, оплаченный нитками	5
Глава 2. Дом, где швы помнят	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глава 1. Развод, оплаченный нитками

Когда дракон назвал её предательницей, Ярина ещё не знала ни его имени, ни собственного.

Она знала лишь, что каменный пол под коленями был ледяным, тяжёлый плащ тянул плечи назад, а несколько десятков людей, сидевших полукругом на высоких скамьях, смотрели на неё с тем нетерпеливым любопытством, которое всегда сопровождало чужое унижение.

— Почерневшая нить не оставляет места сомнениям, — произнёс мужчина напротив.

Его голос не был громким, однако прошёл по залу так отчётливо, будто стены повторили каждое слово. Высокий, широкоплечий, в чёрном камзоле с серебряной застёжкой у горла, он стоял возле длинного стола и держал ладонь на разложенном поверх тёмного дерева плаще.

Ткань когда-то была жемчужно-серой. Теперь по ней от воротника к подолу тянулась чёрная полоса, похожая на след от огня. Только никакого огня Ярина не чувствовала. В воздухе пахло холодным камнем, воском и нагретым металлом, но не гарью.

Она подняла глаза на мужчину.

На миг по чужому телу прошла такая сильная дрожь, что пришлось сжать пальцы под складками юбки. Страх был не её. Он жил глубже мыслей, в мышцах и памяти кожи. Это тело знало стоявшего перед ней мужчину, помнило его прикосновения, его шаги, его молчание за закрытой дверью.

Тарвель.

Имя всплыло само, за ним — ещё одно.

Аркейн.

Её муж.

Нет, не её. Муж женщины, чьими глазами Ярина сейчас смотрела на Драконию совет.

Последним настоящим воспоминанием был раскройный стол в тесной костюмерной, лист кальки, прижатый тяжёлой линейкой, и чужая рука, распахнувшая дверь как раз в тот момент, когда над потолком что-то треснуло. Ярина успела поднять голову. Затем яркий свет перечеркнул комнату, пол исчез, а следующий вдох она сделала уже здесь, на коленях перед людьми в тёмных мантиях.

Никто из присутствующих не заметил, что Лиорена Аркейн перестала быть Лиореной.

Или заметил, но решил, что обвинённая женщина просто оглохла от ужаса.

— Леди Лиорена, — обратился к ней сухощавый старик, сидевший в центре полукруга. — Вы понимаете предъявленное обвинение?

Ярина не ответила сразу.

Она понимала слова, хотя не могла объяснить почему. Понимала, что плащ на столе был не обычной одеждой, что за высоким окном сгушались ранние сумерки и что золотистое свечение в глазах Тарвеля не имело ничего общего с отражением свечей.

Понимала также, что от неё ждут определённого поведения.

Слева сидела женщина в бордовой мантии. Её гладко зачёсанные волосы казались почти белыми, тонкие пальцы лежали на резном подлокотнике, а в уголках губ пряталось выражение терпеливого превосходства. Рядом с ней молодой писец держал перо над раскрытой книгой и то и дело поглядывал на Ярину, словно боялся пропустить первый крик.

На дальней скамье пожилая дама уже приготовила кружевной платок.

Публика ожидала слёз.

Вероятно, настоящая Лиорена должна была броситься к ногам мужа, поклясться в невиновности, умолять выслушать её или хотя бы потребовать привести того, с кем якобы изменила. Однако в голове Ярины не было ни имени предполагаемого любовника, ни воспоминания о преступлении, ни даже уверенности, что речь шла об измене в привычном для неё смысле.

Было только почерневшее шитьё, объявленное неопровержимым доказательством.
А ещё был мужчина, который уже вынес приговор.

— Понимаю, — сказала она.

Собственный голос оказался ниже, чем Ярина ожидала, и немного хриплым. Ей удалось произнести одно слово без дрожи, но тело отозвалось болезненным спазмом под рёбрами.

Писец поставил первую отметку.

Тарвель слегка нахмурился.

Возможно, Лиорена обычно говорила иначе. Мягче, тише или чаще. Ярина не знала, поэтому решила не произносить лишнего.

— Супружеский плащ был соткан в день заключения брака, — продолжил старик. — Белая нить хранит верность данных клятв. Она не может потемнеть без причины.

— Не просто потемнеть, верховный судья, — вмешалась женщина в бордовом. — Одна из нитей почернела по всей длине. Подобное происходит, когда клятва нарушена сознательно.

Она повернулась к Ярине.

— Я сожалею, Лиорена. Мне бы хотелось, чтобы проверка дала иной результат.

Сожаления в её голосе было ровно столько, сколько требовали приличия.

Имя всплыло не сразу. Ярина всмотрелась в тонкое лицо и заметила серебряную брошь в форме челнока.

Мерравия Дорн.

Глава гильдии ткачей.

Женщина, к которой Лиорена когда-то обращалась за помощью. При воспоминании тело отозвалось неприятной тяжестью в животе, но никаких подробностей не появилось.

— Проверку проводила гильдия? — спросила Ярина.

По залу прошёл лёгкий шум.

Верховный судья поднял брови, а Мерравия едва заметно сжала пальцы на подлокотнике.

— Разумеется, — ответила она. — Три старших мастера независимо подтвердили изменение клятвенной нити.

— Они присутствуют в зале?

— Их письменные заключения приложены к делу.

Ярина посмотрела на три запечатанных свитка у локтя писца. С такого расстояния прочитать их было невозможно.

— Значит, нет.

— Лиорена, — произнёс Тарвель.

Впервые он обратился непосредственно к ней, и чужое тело сразу узнало интонацию, от которой прежде, вероятно, хотелось оправдываться. В ней не было ярости. Только усталость, отстранённость и что-то тяжёлое, уже давно принятое за истину.

— Ты знала, что сегодня рассмотрят доказательства. У тебя было три дня, чтобы назвать свидетелей или потребовать иной проверки.

Три дня.

Ярина осторожно вдохнула. За эти дни Лиорена могла плакать, спорить, молчать или искать помощь. Что именно она делала, новая хозяйка тела не знала.

— И я потребовала? — спросила она.

Тарвель замер на едва заметную долю мгновения.

Ответил верховный судья:

— Ваше прошение о повторной проверке было отклонено. Клятвенную нить исследуют только мастера гильдии. Других признанных специалистов в столице нет.

— То есть доказательство проверили люди, подчиняющиеся госпоже Дорн, а повторную проверку должны были проводить те же люди?

Тишина в зале изменилась. Теперь в ней было не предвкушение слёз, а осторожность.

Мерравия улыбнулась, но взгляд её стал жёстче.

— Вы ставите под сомнение честь гильдии?

— Я уточняю порядок.

— Порядок соблюден, — отрезал верховный судья. — Совет не рассматривает обвинений против гильдии. Мы рассматриваем требование лорда Аркейна о расторжении брака.

Тарвель не сводил с Ярины глаз.

Золотое свечение в его радужках стало ярче. Возможно, раздражение. Возможно, драконья природа проявлялась при любом сильном чувстве. Ярина не собиралась выяснять это сейчас.

Она снова посмотрела на плащ.

При первом взгляде чёрная полоса казалась цельной. Теперь, когда страх немного отступил, профессиональная привычка взяла верх. Ярина видела не символ предательства, а изделие: направление нитей, плотность переплетения, посадку воротника, линию края и участок, где плотно едва заметно морщило.

Стежки возле левого плеча лежали неровно.

Не грубо и не неумело. Напротив, работу выполнял опытный человек, способный сделать подмену почти незаметной. Но мастер торопился. На двух пальцах длины натяжение отличалось, и одна нить уходила под неверным углом.

Ярина слегка наклонилась вперёд.

— Не прикасайтесь, — предупредила Мерравия.

— Я и не собиралась.

Хотя собиралась. Ей хотелось провести пальцами по складке и проверить, не скрывался ли под ней распоротый шов.

— Совет ознакомился с доказательствами, — сказал верховный судья. — Лорд Тарвель Аркейн, подтвердите своё требование.

Вокруг стало так тихо, что Ярина услышала, как потрескивал фитиль ближайшей свечи.

Тарвель выпрямился.

— Я требую немедленно расторгнуть брак с Лиореной Вейр, лишить её права носить имя Аркейн и отменить все полномочия хозяйки моего дома.

Он говорил ровно, без торжества. Наверное, от этого приговор звучал ещё тяжелее.

Чужая боль поднялась из глубины тела неожиданно, как вода через трещину. Перед глазами на мгновение потемнело. Ярина стиснула зубы и переждала, пока сердце перестанет биться слишком часто.

Лиорена любила этого мужчину.

Возможно, любила до последней минуты.

Сам Тарвель смотрел на женщину у своих ног так, словно отгораживался от воспоминаний о ней каменной стеной.

— Требование принято, — произнёс судья. — Леди Лиорена, до подписания соглашения вы имеете право сделать заявление.

Платок в руках пожилой дамы приподнялся.

Писец приготовился записывать.

Ярина могла начать спорить. Могла потребовать ответа, почему никого не интересовал неровный шов. Могла указать, что заключения мастеров не заменяют открытой проверки. Только она не знала местных законов, не понимала, кто в этом зале связан с гильдией, и не имела ни одного человека, готового подтвердить её слова.

Сейчас любое громкое обвинение прозвучало бы как отчаянная попытка опозоренной жены избежать развода.

К тому же Тарвель уже сделал выбор.

Если она хотела выжить в этом мире, начинать следовало не с мольбы к человеку, который только что публично отказался от неё, а с выяснения того, что останется у неё после его отказа.

— Где соглашение? — спросила Ярина.

Писец опустил перо.

— Что? — переспросил верховный судья.

— Документы о расторжении брака. Я хочу их прочитать.

На этот раз шёпот разнёсся по всему залу.

Тарвель медленно убрал ладонь с плаща. На его лице впервые появилось выражение, похожее на растерянность.

— Ты согласна? — спросил он.

Вопрос прозвучал почти резче, чем обвинение.

Ярина встретила его взгляд.

— Вы требуете развода перед Советом и уже лишили меня возможности провести независимую проверку. Что именно я должна сделать, чтобы моё несогласие имело значение?

У него дрогнула челюсть.

— Ты могла бы сказать правду.

— Судя по происходящему, правдой здесь считается цвет одной нити.

Мерравия подалась вперёд.

— Лиорена, не стоит усугублять своё положение дерзостью.

— Моё положение уже назвали окончательным. Теперь я хочу узнать его стоимость.

Пожилая дама медленно опустила платок.

Верховный судья обменялся взглядами с двумя членами Совета, затем кивнул писцу. Тот поднялся, взял с края стола несколько листов и осторожно приблизился к Ярине, будто опасался, что она выхватит перо и нападёт на судей.

Документы были написаны от руки мелкими ровными буквами. Ярина с облегчением поняла, что умеет читать здешнее письмо так же естественно, как понимала речь. Видимо, это знание осталось в теле вместе с именами и страхами.

Она пробежала глазами первые строки.

Брак расторгался немедленно. Имя Аркейн отнималось. Доступ в столичный дом закрывался. Личные украшения, подаренные мужем, возвращались в род Аркейнов. Содержание бывшей жене не полагалось, поскольку развод происходил по её вине.

О компенсации не было ни слова.

— Здесь отсутствует раздел имущества, — сказала Ярина.

Писец обернулся к верховному судье.

— В случае доказанного нарушения клятвы виновная сторона не имеет права на имущество супруга, — пояснил тот.

— Я спрашиваю не об имуществе супруга.

Ярина перевернула страницу. Пальцы двигались уверенно, хотя внутри всё ещё оставалось ощущение, что она играет роль без репетиций.

— Где моё приданое? Где личные вещи, принадлежавшие Лиорене Вейр до брака? Где перечень её вложений в общий дом?

— Ваше приданое вошло в имущество семьи Аркейн после свадьбы, — сказала Мерравия. — Таков обычай.

— Обычай или закон?

Улыбка окончательно исчезла с лица главы гильдии.

Верховный судья устало провёл ладонью по подбородку.

— Земля и денежная доля вошли в имущество мужа, — сообщил он. — Однако родовое ремесленное имущество сохраняется за прежним владельцем, если оно не было продано или передано отдельным договором.

Ярина не знала, имелось ли у Лиорены такое имущество, но вопрос судьи подсказал направление.

— Значит, оно должно быть указано в соглашении.

Тарвель смотрел на неё внимательно и неприятно. Не как на пойманную предательницу, а как на незнакомого человека, занявшего её место.

— Ты никогда не интересовалась мастерской, — произнёс он.

Мастерской.

Ярина не позволила себе улыбнуться.

— Тогда тебе не составит труда её вернуть.

В его взгляде мелькнуло что-то острое.

— Она почти разорена.

— Тем более.

Мерравия поднялась. Бордовая мантия скользнула по ступеням, и серебряный челнок на её груди блеснул в свете свечей.

— Мастерская Вейров находится под надзором гильдии из-за непогашенных долгов. Её нельзя передать без согласования.

— Кому принадлежит здание? — спросила Ярина.

Ответила она не сразу.

— Лиорене Вейр.

— Тогда почему моё имущество не упомянуто в соглашении?

Вопрос был обращён к Совету, но Ярина следила за Мерравией.

Глава гильдии первой отвела глаза.

Верховный судья подозвал писца и потребовал книгу имущественных записей. Несколько минут в зале слышались только шорох страниц и приглушённый обмен репликами. Тарвель оставался у стола. Он не вмешивался, но по тому, как напряглись его плечи, Ярина понимала: происходящее ему не нравилось.

Возможно, он ожидал, что Лиорена будет держаться за брак, а не за заброшенную мастерскую.

— «Вейр и нить», — наконец прочитал писец. — Двухэтажное строение на улице Старых Фонарей, с внутренним двором и жилыми комнатами. Владелица — Лиорена Вейр. На имущество наложено долговое обязательство в пользу гильдии ткачей.

— Размер долга? — спросила Ярина.

Писец назвал сумму.

Она ничего не значила без понимания местных цен, но несколько членов Совета сочувственно поморщились. Значит, долг был серьёзным.

— Срок выплаты?

— Первый взнос должен быть внесён через двадцать один день. При неуплате имущество окончательно перейдёт гильдии.

Ярина повернулась к Мерравии.

— Удобный срок.

— Долг возник задолго до сегодняшнего разбирательства, — холодно ответила та.

— Я этого не отрицала.

— Вы не сможете открыть мастерскую без подтверждённого мастера и разрешения гильдии.

Вот оно.

Здание принадлежало Лиорене, но работать в нём без согласия Мерравии она не могла. Через три недели долг позволит гильдии забрать мастерскую за бесценок. Если Лиорена останется без средств, разрешения и имени мужа, исход был почти решён.

Почерневшая нить лишала её не только брака.

Она освобождала дорогу к «Вейр и нить».

— Родовое имущество следует включить в соглашение, — сказал один из судей, до этого молчавший. — Долг также переходит владелице.

Мерравия недовольно поджала губы, но спорить не стала.

Ярина внимательно перечитала документ. Положения о мастерской внесли на отдельный лист, ещё влажный от чернил. Вместе со зданием ей передавались оборудование, оставшиеся материалы, книги заказов и долговые записи. Всё, что находилось внутри на момент опечатывания, считалось частью имущества.

— Ключи, — потребовала она.

— Их передадут после завершения заседания, — сказал писец.

— И опись.

— Она находится у гильдии.

— Тогда я хочу получить заверенную копию сегодня.

Мерравия рассмеялась негромко и без веселья.

— Вы собираетесь проверять каждую катушку?

— Если каждая катушка включена в имущество, то да.

Несколько человек на скамьях улыбнулись. Не ей, а неожиданности происходящего.

Ярина снова посмотрела на документы.

Внизу оставалось место для подписей. Рядом лежало тонкое перо с серебряным наконечником. Писец подал его, но Тарвель неожиданно сказал:

— Оставьте нас на несколько минут.

— Заседание ещё не завершено, — возразила Мерравия.

— Совет может подождать.

В его голосе прозвучало нечто, от чего пламя в ближайших светильниках качнулось. Судьи переглянулись. Верховный судья неохотно объявил короткий перерыв, после чего члены Совета стали покидать зал через боковые двери.

Мерравия задержалась дольше остальных.

— Не советую принимать решения из упрямства, Лиорена, — сказала она. — За стенами этого здания вас уже не будут защищать ни имя мужа, ни положение семьи.

— Последний час они защищали меня не слишком заметно.

Мерравия наклонила голову.

— Именно дерзость всегда была вашей худшей чертой.

Тело не откликнулось на эту фразу узнаваемой обидой. Возможно, настоящая Лиорена слышала её часто.

— Тогда странно, что сегодня она всех удивила, — ответила Ярина.

Взгляд Мерравии задержался на её лице, затем женщина развернулась и вышла. Двери закрылись, оставив Ярину наедине с Тарвелем, писцом и двумя неподвижными стражами у стены.

— Писец тоже может уйти, — сказал Тарвель.

— Я обязан присутствовать при подписании.

— Подписание ещё не началось.

Молодой человек собрал листы и отошёл к двери. Стражи остались, но стояли достаточно далеко, чтобы не слышать тихий разговор.

Тарвель спустился от стола. Он двигался без суеты, однако с каждым его шагом чужое тело напрягалось сильнее.

Ярина поднялась с колен прежде, чем он подошёл. Ноги затекли, тяжёлая юбка мешала удерживать равновесие, но принимать разговор снизу она не собиралась.

Тарвель остановился в нескольких шагах.

Вблизи он казался ещё выше. Тёмные волосы были стянуты на затылке, на виске виднелась тонкая светлая полоса старого шрама. Его лицо не соответствовало образу безжалостного чудовища, который Ярина уже успела мысленно создать. Усталое, жёсткое, слишком собранное.

От этого становилось только неприятнее.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Читаю документы.

— Не притворяйся, будто не понимаешь вопроса.

— Тогда задай его точнее.

В золотистых глазах вспыхнуло раздражение.

— Ты три дня отказывалась говорить со мной. Сегодня ни разу не попросила выслушать тебя, не потребовала привести свидетелей и не назвала имени человека, из-за которого почернела нить. Вместо этого торгуешься за старую мастерскую.

— Я не торгуюсь. Я забираю то, что принадлежит мне по закону.

— Раньше она тебе не принадлежала. Ты говорила, что не вернёшься туда ни при каких обстоятельствах.

Ярина не знала, почему Лиорена ненавидела мастерскую. Возможно, там умер кто-то из её близких. Возможно, ремесло казалось ей слишком низким после замужества. Возможно, гильдия уже довела дело до разорения.

Она не стала угадывать вслух.

— Обстоятельства изменились.

— За несколько минут?

— Иногда нескольких минут достаточно, чтобы понять положение.

Тарвель сделал ещё один шаг. Теперь Ярина различала серебряную вышивку на его воротнике — узор из переплетённых крыльев. Работа была безупречной, но слишком правильной, лишённой живого движения.

— Я даю тебе возможность сказать правду без Совета, — произнёс он. — Один раз. После этого всё будет кончено.

— А если моя правда не совпадёт с заключением гильдии?

— Нить не лжёт.

Ярина посмотрела ему через плечо на плащ.

— Нить, возможно, и не лжёт. Люди умеют.

Его глаза сузились.

— Ты обвиняешь мастеров?

— Я пока никого не обвиняю.

— Но считаешь доказательство поддельным?

— Я считаю странным, что ткань возле плечевого шва морщит, хотя остальная часть плаща лежит ровно.

Тарвель обернулся.

На его лице впервые появилась не уверенность и не раздражение, а внимание. Он подошёл к столу и наклонился над плащом.

— Где?

Ярина не двинулась с места.

— Слева от воротника.

Он провёл пальцами по указанному участку. Морщина почти исчезла под его рукой, но затем вернулась.

— Это ничего не доказывает.

— Я и не сказала, что доказывает.

— Ты никогда не разбиралась в шитье.

Вот уже второй человек напомнил ей, какой была Лиорена. Пока это становилось главным преимуществом и главной опасностью одновременно.

— Возможно, раньше я не смотрела достаточно внимательно.

Тарвель резко повернулся.

— Кто ты?

Вопрос прозвучал тихо.

Ярина почувствовала, как по спине прошёл холод. За его плечом на столе лежал почерневший плащ, за дверями ждал Совет, а в нескольких шагах стояли стражи. Объяснить дракону, что тело его жены заняла женщина из другого мира, было бы не самым разумным началом новой жизни.

— Женщина, которую ты разводишь, — ответила она.

— Лиорена не разговаривает так.

— Видимо, прежний способ оказался бесполезен.

Он долго смотрел на неё, и Ярина с трудом удержалась, чтобы не отступить. Затем Тарвель отвернулся.

— Мастерская непригодна для жизни. Крыша протекала ещё прошлой зимой, часть окон разбита, а гильдия вывезла всё ценное в счёт долга.

— В описи указано оборудование.

— Старое оборудование.

— Оно всё равно моё.

— Ты не выдержишь там неделю.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться.

Его плечи напряглись.

— Я не беспокоюсь.

— Хорошо.

— Лиорена.

Она подняла взгляд.

Тарвель стоял рядом с плащом, положив ладонь возле почерневшей полосы, и впервые выглядел не судьёй, а человеком, которого что-то мучило.

— Если ты назовёшь того, кто заставил тебя нарушить клятву, я добьюсь, чтобы Совет не взыскивал с тебя долг.

Значит, он всё ещё считал её виновной. Просто допускал, что вина могла иметь смягчающие обстоятельства.

— А взамен?

— Ты покинешь столицу и больше не станешь оспаривать решение.

Ярина почти рассмеялась, но удержалась.

Он предлагал ей исчезнуть удобно и без лишнего шума. Возможно, считал это милосердием.

— Нет.

— Ты даже не подумала.

— Подумала. Мне хватило времени.

— Гордость не оплатит долг.

— Возможно. Зато мастерская может.

Тарвель посмотрел на неё так, словно услышал неудачную шутку.

— Ты не умеешь вести дело.

— Значит, научусь.

— За двадцать один день?

— Срок уже стал короче, пока мы разговаривали.

Он нахмурился, однако спорить не продолжил. Вместо этого взял край плаща и ещё раз осмотрел неровный участок. На этот раз внимательнее.

— Этот плащ останется у Совета, — сказал он.

— Я не просила отдавать его мне.

— Но хочешь проверить.

— Хочу понять, почему вещь, сотканная для подтверждения клятвы, исследовали без участия её владелицы.

— Плащ принадлежит обоим супругам.

— Через несколько минут у него останется только один владелец.

Тарвель отпустил ткань.

— Ты изменилась.

Чужая боль снова отозвалась под рёбрами, но теперь Ярина была к ней готова.

— Сегодня многие вещи изменились.

Она вернулась к документам и взяла перо. Писец, заметив это, поспешил к столу.

— Подождите, леди, здесь требуется свидетельство судьи.

— Зовите судей.

Тарвель ничего больше не сказал.

Совет вернулся в зал. Мерравия заняла прежнее место и сразу посмотрела на плащ, словно проверяя, не сдвинул ли его кто-нибудь. Ярина заметила этот взгляд, но не подала вида.

Исправленное соглашение зачитали вслух. Мастерская «Вейр и нить» переходила Лиорене вместе с долгами, имуществом и правом на родовое название. Она лишалась имени Аркейн, доступа к владениям бывшего мужа и всех преимуществ его рода.

— Вы принимаете условия? — спросил верховный судья.

— Принимаю.

Перо царапнуло бумагу.

Рука Лиорены помнила подпись. Ярина лишь направляла её, наблюдая, как на листе появляется изящное имя: Лиорена Вейр.

Без Аркейн.

Тарвель подписал следом. Его почерк был быстрым и угловатым.

Когда последняя печать коснулась документа, серебряная вышивка на воротнике Яринного плаща погасла. Ткань потяжелела, будто из неё вынули невидимые нити. На пальце стало горячо, и тонкое обручальное кольцо раскрылось само, превратившись в узкую золотую ленту.

Писец принял её на бархатную подушку.

Вот и всё.

Никакого грома, крика или внезапного признания. Несколько подписей, печать, снятое кольцо — и чужой брак, о котором Ярина не знала ничего, кроме его болезненного конца, перестал существовать.

— Отныне вы именуется Лиореной Вейр, — объявил верховный судья. — Ключи от мастерской и копия имущественной записи будут переданы вам. Личные вещи доставят до наступления ночи.

— Куда именно? — спросил писец.

— В мастерскую.

Тарвель резко поднял голову.

— Там невозможно ночевать.

— Я проверю это сама.

— В доме есть гостевые комнаты, — сказал он после короткой паузы. — Ты можешь остаться до утра.

Предложение удивило не только Ярину. Мерравия чуть заметно повернулась к нему.

— Решение уже вступило в силу, — напомнила она. — Посторонняя женщина не должна оставаться в доме главы рода.

Тарвель посмотрел на неё, и золотистый блеск в его глазах усилился.

— Я знаю законы своего дома.

— Тогда ты должен понимать, как это будет выглядеть после сегодняшнего разбирательства.

Мерравия произнесла слова мягко, почти заботливо, но Тарвель побледнел от сдерживаемого гнева.

Ярина не собиралась становиться причиной их спора.

— Я не останусь, — сказала она. — Передайте мои вещи в «Вейр и нить».

— У тебя нет прислуги, — произнёс Тарвель.

— Теперь нет.

Он будто хотел возразить, но промолчал.

Писец подал Ярине связку из трёх ключей. Самый большой был железным, с потемневшей круглой головкой. Второй, латунный, казался новым. Третий почти потерял зубцы от времени.

Вместе с ключами ей досталась папка с описью и долговой книгой.

Мерравия наблюдала за этим с выражением человека, который уже знал конец истории.

— Завтра утром вам следует явиться в управление гильдии, — сказала она. — Без разрешения вы не вправе принимать заказы, нанимать работников или выставлять изделия на продажу.

— Я прочту правила.

— В вашем положении разумнее сначала подумать, стоит ли продолжать.

Ярина прижала папку к груди.

— Я уже подумала.

Покидая зал, она не оглянулась на Тарвеля.

Только у самой двери почувствовала его взгляд между лопаток.

За стенами Совета оказался огромный двор, окружённый тёмными колоннами. Вечерний воздух пах сыростью и каменной пылью. Над крышами поднимались башни, соединённые переходами, а далеко в небе двигались три тёмные фигуры с широкими крыльями.

Ярина остановилась.

Одна из фигур накренилась, поймала поток воздуха и скользнула к городу. В последних лучах дня на чешуе вспыхнуло медное сияние.

Драконы существовали.

Это открытие следовало бы обдумать, возможно, даже испугаться. Однако тяжёлая папка в руках, неизвестный долг и перспектива ночевать в заброшенном здании казались сейчас куда более насущными.

У подножия лестницы её ждал закрытый экипаж. Возница, кутавшийся в серый плащ, не поклонился и не предложил помочь. Он только бросил взгляд на потухшую вышивку её одежды и открыл дверцу.

— Улица Старых Фонарей, — сказала Ярина.

Возница поморщился.

— Туда к вечеру не ездят.

— Сегодня поедут.

— Доплата потребуется.

У неё не было ни одной монеты.

Ярина открыла папку, нашла среди документов расписку о передаче личных средств и увидела скреплённый печатью небольшой кошель. Внутри лежало двенадцать серебряных кругляшей.

Она показала один вознице.

— Этого хватит?

Его отношение к путешествию мгновенно изменилось.

— До самой двери, госпожа.

— До двери и с ожиданием, пока я проверю, подходит ли ключ.

Он протянул руку за монетой.

— После того как мы доберёмся.

Возница хмыкнул, но спорить не стал.

Экипаж тронулся.

Столица за окном была одновременно чужой и странно понятной. Ярина видела узкие дома с выступающими верхними этажами, лавки под полосатыми навесами, мостовые из светлого камня и фонари, внутри которых плавали крошечные золотые огни. Люди расступались перед экипажем, не прекращая разговоров. Иногда над крышами мелькали драконьи крылья, и тогда тени на мостовой становились огромными.

Чем дальше они уезжали от центральных башен, тем уже делались улицы. Исчезли резные фасады, стало больше закрытых лавок и заколоченных окон. Старые Фонари оправдывали название: на каждом углу стояли высокие железные столбы, но светились лишь два из пяти.

Экипаж остановился возле двухэтажного дома с выцветшей зелёной дверью.

Над входом висела перекошенная вывеска.

«Вейр и нить».

Несколько букв почти стёрлись, но изображение катушки и иглы ещё различалось. Одно из окон первого этажа было заколочено, второе покрывала густая сетка трещин. По стене поднимался сухой вьюн, а над водостоком темнело пятно сырости.

Возница посмотрел на здание и присвистнул.

— Ждать долго?

— Пока не открою дверь.

Большой железный ключ подошёл с третьей попытки. Замок сопротивлялся, внутри что-то скребло и цеплялось, но в конце концов механизм сдался.

Дверь распахнулась внутрь с таким стоном, словно мастерская возражала против возвращения хозяйки.

Ярина переступила порог.

В полутёмном помещении пахло пылью, старым деревом и тканью, которая слишком долго пролежала без движения. Свет из дверного проёма выхватил длинный стол, перевёрнутый табурет, пустые полки и два манекена под серыми чехлами. На полу блестели осколки разбитой лампы.

Она нашла настенный светильник и коснулась металлического ободка. Ничего не произошло.

Возница, наблюдавший с порога, протянул руку и повернул маленькое кольцо сбоку. Внутри стеклянного шара вспыхнул мягкий огонь.

— Благодарю, — сказала Ярина.

— За ожидание ещё полмонеты.

— Ожидание закончилось.

Он недовольно поджал губы, получил обещанную серебряную монету и уехал прежде, чем она успела спросить, где поблизости можно купить еду.

Дверь за экипажем закрылась.

Мастерская погрузилась в тишину.

Ярина поставила папку на стол и медленно обошла помещение. Когда-то здесь работали не меньше шести человек. У стены стояли три широких раскройных стола, хотя два из них были разобраны и сложены досками. Под окном сохранилась ножная швейная машина с медным колесом и сложным механизмом, на котором виднелся знак гильдии. Рядом размещались две деревянные стойки для катушек, почти пустые.

В шкафах нашлись ножницы, несколько линейек, коробка булавок, мел, мотки грубой нити и рулон небелёного полотна. Не богатство, но уже не пустота.

Ярина открыла опись.

Швейная машина — одна.

Раскройные столы — три.

Манекены — четыре.

Она обернулась. В комнате стояли только два.

Продолжила читать.

Большие ножницы — пять пар.

В ящике оказалось две.

Рулоны шерсти — восемь.

На полках не было ни одного.

Кто-то вывез из мастерской гораздо больше, чем следовало по долговым документам.

Ярина перелистнула страницы и нашла акт изъятия. Гильдия забрала шёлк, бархат, четыре ткацкие рамы и часть готовых изделий. Манекены, ножницы и шерсть в акте не упоминались.

Первый вопрос появился раньше, чем она успела снять плащ.

Второй ждал в долговой книге.

Сумма оказалась составлена из нескольких обязательств: плата за материалы, ежегодный гильдейский сбор, хранение имущества после закрытия мастерской и штраф за отсутствие подтверждённого мастера. Последняя запись была сделана пять дней назад.

Гильдия начисляла плату за хранение вещей, которых в здании уже не было.

Ярина провела пальцем по столбцу цифр. Разобраться в местной стоимости предстояло позже, однако принцип она понимала отлично. Если должник не задавал вопросов, долг рос сам.

Наверх вела узкая лестница. На второй ступени доска прогнулась, на пятой закрипела так громко, что Ярина остановилась. Перила держались, но доверять им не хотелось.

На верхнем этаже находились три маленькие комнаты. В первой стояла кровать без постельных принадлежностей, во второй — комод с выдвинутыми ящиками, третья была завалена коробками и сломанными рамами. Потолок возле окна потемнел от влаги, но дыры Ярина не увидела.

Жить здесь было можно. По крайней мере, одну ночь.

Вернувшись вниз, она сняла тяжёлый плащ и повесила его на край манекена. Под ним обнаружилось тёмно-синее платье, слишком тесное в груди и широкое в талии. Рукава тянули назад при каждом движении.

Крой был дорогим, ткань — качественной, а посадка безнадёжной.

Ярина осмотрела себя в пыльном зеркале.

Незнакомое лицо оказалось бледным и тонким. Тёмные волосы были уложены в сложную причёску, несколько прядей выбились у висков. Серые глаза казались огромными из-за усталости. Лиорена была красивой, но платье делало её старше и беспомощнее, чем она выглядела без него.

Кто-то одевал жену дракона так, будто хотел спрятать её внутри ткани.

Ярина подняла руки, проверяя натяжение. Шов под мышкой впивался в кожу. Юбка была слишком длинной, из-за чего по дороге она дважды едва не наступила на подол.

Исправить можно было за час. При наличии иглы, ниток и возможности снять платье без посторонней помощи.

Она нашла на спине ряд мелких застёжек и тяжело вздохнула.

Снаружи загрохотали колёса.

К мастерской подъехала грузовая повозка. Ярина успела открыть дверь до того, как возница начал стучать. Двое работников молча внесли четыре сундука, свёрток постельных принадлежностей и деревянную коробку, опечатанную знаком Аркейнов.

— Всё? — спросила она.

Старший сверился со списком.

— Всё, что передал дом.

— Кто собирал вещи?

— Управляющий.

— Он здесь?

Работник покачал головой.

Ярина проверила число сундуков по расписке и только после этого поставила отметку. Мужчины переглянулись. Вероятно, прежняя Лиорена не имела привычки считать собственные вещи.

В одном сундуке лежала одежда, в другом — книги и письменные принадлежности. Третий был заполнен обувью, четвёртый — постельным бельём и личными мелочами. Денег, украшений или чего-либо, что можно было быстро продать, не оказалось.

Деревянная коробка оставалась последней.

Печать на ней уже была надломлена. Внутри Ярина нашла снятую с платья серебряную вышивку рода Аркейнов, несколько споротых нашивок и узкие полосы жемчужно-серой ткани.

Символы бывшей семьи вернули отдельно, как ненужные обрезки.

Она перебирала содержимое без особого чувства, пока не заметила в углу тёмный лоскут.

Ткань была плотной, знакомого жемчужно-серого цвета. Вдоль одного края проходила почерневшая нить.

Обрезок супружеского плаща.

Ярина вынула его из коробки и поднесла к свету. Край был срезан недавно. Вероятно, кусок отделился, когда с плаща удаляли вышитый знак Лиорены, и его по ошибке положили вместе с остальными снятыми деталями.

Она разложила лоскут на столе.

Даже без увеличительного стекла стало видно, что нить проходила не по исходному переплетению. Её ввели позже, закрепив мелкими скрытыми стежками с изнаночной стороны. Работа была мастерской, но спешка выдавала исполнителя: один прокол оказался слишком близко к краю, второй захватил соседнюю нить, а узел спрятали под плотной складкой.

Ярина осторожно потянула за кончик.

Ткань отозвалась теплом.

Она отдёргнула руку.

Светильник на стене дрогнул, хотя дверь и окна были закрыты. По жемчужно-серой поверхности пробежала едва заметная рябь. Почерневшая нить приподнялась, словно под ней прошёл слабый порыв воздуха.

Ярина наклонилась ближе.

В мастерской послышался шорох.

Сначала ей показалось, что за стеной пробежала мышь. Затем шорох сложился в дыхание, а дыхание — в женский голос. Тихий, торопливый, сдавленный страхом.

— Подмени шов до начала церемонии.

Ярина замерла, не убирая руки от лоскута.

Голос не принадлежал ей. Он не был воспоминанием Лиорены и не звучал в голове. Его сохранила ткань.

Почерневшая нить на супружеском плаще появилась не потому, что Лиорена нарушила клятву.

Кто-то распорол доказательство её верности, подменил шов и заранее позаботился о том, чтобы развод выглядел бесспорным.

Глава 2. Дом, где швы помнят

Голос в ткани повторился, когда Ярина снова коснулась почерневшей нити.

— Подмени шов до начала церемонии.

Она удержала лоскут на столе и дождалась, пока последние звуки растворятся в пустой мастерской. На этот раз страх не заставил её отдёргнуть руку. Ярина перевернула обрезок изнанкой вверх, проверила узел, серую основу и свободный кончик. Ткань отзывалась т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.